

Рыжкова Н.А.

ПИСЬМА А. К. ГЛАЗУНОВА К ДОЧЕРИ

Nataliya Rizhkova

ALEXANDR GLAZUNOV'S LETTERS TO HIS DAUGHTER

Аннотация. Первая публикация писем Александра Глазунова к его приемной дочери Елене Гюнтер-Глазуновой, датированных периодом с января по декабрь 1933 года. Письма проливают свет на многие подробности артистической и частной жизни Глазунова в эмиграции и на его отношения с рядом русских и зарубежных музыкантов.

Abstract. This is the first publication of Glazunov's letters to his foster daughter Elena Günther-Glazunova, dating from January to December 1933. The letters throw additional light on many details of Glazunov's artistic and private life in emigration and on his relationships with Russian and foreign musicians.

Ключевые слова. Глазунов, Гюнтер-Глазунова, эмиграция, Париж, концертная жизнь, Ленинградская консерватория.

Key Words. Glazunov, Günther-Glazunova, emigration, Paris, concert life, Leningrad Conservatoire.

Десятилетие назад, в 2003 году, в Санкт-Петербург из Германии был передан зарубежный архив Александра Константиновича Глазунова. Композитор, как известно, провел последние годы своей жизни вдали от России и умер в Париже 21 марта 1936 года. Его архив, личные вещи и обстановку парижской квартиры сохранила приемная дочь композитора Елена Александровна Гюнтер-Глазунова, проживавшая в Мюнхене¹. Согласно ее завещанию уникальные материалы были переданы в дар Петербургу Фондом А.К. Глазунова в Мюнхене и ныне хранятся в Государственном Музее театрального и музыкального искусства.

Зарубежный архив А. К.Глазунова, один из последних великих архивов XX века, содержит интереснейшие материалы по истории русской музыки XX века: рукописи композитора, его воспоминания и заметки, письма к Глазунову видных деятелей русской культуры – Н.К. Метнера, Н.Я. Мясковского, А.И. Зилоти, М.М. Ипполитова-Иванова, Л.В. Николаева, Н.Н. Черепнина, М.О. Штейнберга, М.М. Фокина, Н.А. Малько, А.А. Винклера, Л.Э. и Ю.Э. Конюсов и др. В числе зарубежных корреспондентов Глазунова – польский пианист и композитор Леопольд Годовский, немецкий дирижер Макс Фидлер, французский органист Марсель Дюпре, итальянский дирижер Виктор де Сабата, датский саксофонист Сигурд Рашер и многие другие.

---

¹ См.: *Воронцов-Гофманн Н.А.* Архив А. К. Глазунова в Мюнхене // Мифы и миры Александра Глазунова. Сборник научных статей. СПб., 2002.

Среди самых интересных материалов архива – письма А.К. Глазунова к приемной дочери Елене. Это более 180 писем композитора, написанных в период с 1929 по 1935 год. Почти все они не опубликованы, за редким исключением².

В письмах нашли отражение основные события последних лет жизни Глазунова – сочинение и исполнение его новых произведений, концертные выступления в качестве дирижера, встречи с музыкантами, размышления о ситуации в современном музыкальном мире. И в этом – исключительный интерес писем. Здесь публикуются некоторые из них. Но прежде – несколько слов об адресате. И хотя о Е.А. Гюнтер-Глазуновой писали не раз³, напомним основные сведения о ней.

Елена Гаврилова (в первом браке Тарновская, во втором – Гюнтер) – падчерица Глазунова, дочь жены композитора Ольги Николаевны Громыко-Гавриловой. Музыкальное образование получила в Петербургской консерватории, окончив ее в 1924 году по классу фортепиано проф. Л.В. Николаева (в один год с Д.Д. Шостаковичем). На публичном экзамене 24 июня 1924 года исполнила Второй концерт Глазунова. Этот же концерт она сыграла в авторском вечере Глазунова в Большом зале Филармонии (24 апреля 1926 года). Об этом вечере М.О. Штейнберг записал в своем дневнике: «Леночка играла 2-й концерт не без блеска»⁴. Услышав ее выступление в Киеве (25 августа 1927 года) В. Пухальский, один из выдающихся пианистов того времени, написал Л.В. Николаеву: «Поздравляю Вас с такой ученицей. Безукоризненная посадка, свобода и пластичность движения рук, красивый и полный тон, изящество в закруглениях фраз, математичность в *ritardando*, вкус – все это не оставляет желать лучшего. Превосходная и академичная игра»⁵. В феврале 1928 года Елена Гаврилова вышла замуж за Сергея Владимировича Тарновского – пианиста, профессора Киевской консерватории, и в апреле того же года вместе с мужем уехала за границу. Однако через несколько лет супруги расстались: Тарновский отправился в Америку, где стал преподавать в одном из музыкальных колледжей (кстати, среди его многочисленных учеников был и Владимир Горовиц), а Леночка осталась в Европе, отложив свой переезд к мужу до его обустройства на новом месте. Но переезд так и не состоялся. Несколько лет Елена провела в Закопане и Берлине, где совершенствовала свое мастерство – сначала у Эгона Петри, затем у Артура Шнабеля и Александра Либермана. В последний год жизни отца Елена переехала в Париж. В 1936 году, уже после смерти Глазунова, бывшие супруги официально развелись.

Основное место в репертуаре Елены занимали сочинения А.К. Глазунова. В качестве солистки она выступала в концертах, которыми дирижировал Глазунов, и сопровождала его почти во всех концертных поездках.

Первый концерт Елены за границей состоялся 19 декабря 1928 года в Париже, в зале Плейель. Это был авторский концерт Глазунова, в котором он дирижировал своими произведениями, а она исполнила его Второй фортепианный концерт.

В январе 1929 она играла Первый и Второй фортепианные концерты Глазунова в Португалии и Испании, в декабре того же года – в Нью-Йорке,

² Фрагменты некоторых писем Глазунова приведены в воспоминаниях его дочери: *Глазунова-Гюнтер Е. Мой отец – Александр Глазунов* // СМ, 1990, № 10. С. 46–55. Кроме того, 2 письма Глазунова к ней опубликованы Н. Воронцовым: *Отец и дочь* // Музыкальная жизнь, 1995, № 4. С. 29–30.

³ Напр.: *Апичян Т. А. Елена Александровна Глазунова-Гюнтер (1905–1999)* // Мифы и миры Александра Глазунова. Сборник научных статей. СПб., 2002. См. также: *Глазунова-Гюнтер Е. Мой отец – Александр Глазунов* // Советская музыка, 1990, № 10.

⁴ *Штейнберг М.О. Дневники*. КР РИИИ. Ф. 28. Ед. хр. 1109.

⁵ Цит. по: *Рензин В. Забвению не подлежит...* // Советская музыка, 1991, № 3. С. 92.

в Метрополитен-Опера, весной 1930 года – в Варшаве. Во всех концертах оркестром дирижировал Глазунов. В начале 1930-х годов Елена Глазунова выступила в Италии. В ноябре 1931 года она сыграла Второй фортепианный концерт Глазунова на двух роялях в четыре руки в Музыкальном клубе в Лондоне. За вторым роялем был сам Глазунов.

Газеты помещали восторженные отзывы о ее игре:

«Чрезвычайно трудная фортепианная партия Второго концерта была интерпретирована Глазуновой – молодой, но уже заметной артисткой. Ее исполнение было блестящим и вызвало горячие аплодисменты аудитории». (Испания).

«Сольная партия была поручена очаровательной дочери композитора Елене Глазуновой. Она обладает отличной пианистической техникой, которая ставит ее в первый ряд пианистов». (Италия).

«На торжественном открытии симфонических концертов был исполнен Второй фортепианный концерт Глазунова. Партия фортепиано была сыграна Еленой Глазуновой, чудесно по качеству звука, техники и страстной чувственности ее интерпретации». (Италия, Болонья).

В 1933 году Елена впервые записала на пластинки фортепианные сочинения Глазунова – Тему с вариациями ор.75, Этюд и Гавот, позже – Идиллию для фортепиано ор.103, ей же посвященную, Первый и Второй фортепианный концерты.

После смерти Глазунова Елена продолжила концертную деятельность. Она выступала как солистка с разными оркестрами – берлинским, венским, лондонским – под управлением Генри Вуда, Томаса Бичема, Виктора де Сабата и других. Основными в ее репертуаре по-прежнему были сочинения Глазунова.

Ее второй брак с писателем и искусствоведом Гербертом Гюнтером, с которым она познакомилась в Париже в годы второй мировой войны, оказался удачным. В 1961 году вместе с мужем Елена переехала в Мюнхен, где прожила почти 40 лет. Все эти годы Е. А. Гюнтер-Глазунова бережно хранила архив и личные вещи своего отца, мечтая передать их в будущий музей Глазунова на его родине. По ее инициативе в Мюнхене был создан Фонд им. А. К. Глазунова. В 1972 году она перевезла прах Глазунова из Парижа в Ленинград. Елена Александровна Глазунова-Гюнтер умерла в 1999 году в возрасте 94 лет. По ее собственным словам, сказанным незадолго до кончины, она прожила долгую и очень счастливую жизнь.

Письма Глазунова к дочери были написаны в начале 1930-х годов, в пору ее молодости.

В это время отец и дочь жили в разных странах – он во Франции, она сначала в Польше и затем в Германии, не считая многократных поездок по другим странам Европы. И хотя она довольно часто приезжала в Париж и, кроме того, сопровождала отца в концертных поездках, виделись они гораздо реже, чем хотелось бы обоим.

Встречи с Еленой, излучающей молодость, жизненную энергию, любовь к жизни, были, пожалуй, самыми светлыми и радостными моментами в жизни стареющего больного композитора. Он с нетерпением ждал приездов «дорогого дружочка», жил ожиданием того радостного дня, когда снова увидит ее рядом.

Долгие месяцы разлуки скрашивали письма. Письма Глазунова к дочери наполнены заботой и удивительной нежностью. Он трогательно любил свою Леночку – жизнерадостную, деятельную и полную творческих планов. Видимо, именно на нее он перенес весь нерастраченный в течение жизни запас любви и нежности.

Письма говорят о неутолимой потребности общения Глазунова с любимой «цурочкой», как он называл ее в письмах («доченькой» по-польски). Леночка была для него «дорогим дружочком», близким по духу человеком. Он интересуется ее музыкальными успехами, радуется ее успешным выступлениям, делится воспоминаниями, советует. Он искренен с ней во всем. Порой его письма походят на страницы из дневника. Таково письмо от 9 марта 1933 года, в котором он вспоминает о том далеком времени, когда впервые услышал на оркестровой репетиции свою первую симфонию.

Многие письма проникнуты юмором, которым в высшей степени обладал Александр Константинович. Он подписывается разными забавными именами в зависимости от обстоятельств – Папка, Папкин, Väterchen (уменьшит. от нем. Vater), Саха, ХаХа, Папка-булонец или Папка Булонский (поскольку живет в Булони), Папка-юрашка (когда проводит летние месяцы на французском курорте Юра), Komponist и даже Комозиторишка (когда сочиняет музыку), Папка-хворушка, Папка-бронхитик или Папулька-инвалид (когда болеет).

Эта любовь была взаимной. Письма отца с их аккуратными строчками и каллиграфическими буквами вызывали у дочери чувство особенной радости, об этом она напишет в своих воспоминаниях⁶. В своих письмах Леночка сообщает «дорогому папуличке» о своей жизни, о занятиях музыкой, о произведениях, которые разучивает, о своих выступлениях, о путешествиях, о музыкальных впечатлениях. Правда, часто она ограничивается короткими «приписочками» или открытками – писать длинные письма у вечно спешащей «цурочки» нет времени. Но Глазунов рад и коротким открыткам. «Все, что ты нацарапываешь, читается с интересом и жадностью, – пишет он ей 8 июля 1931 года, – Когда-то мы опять свидимся?»

Иногда Леночка пытается устроить дела отца и выступает в роли импресарио: так, путешествуя по Италии, она ведет переговоры о его концертах⁷. В Берлине она встречается с Л. Годовским, который приглашает Глазунова в Берлин в качестве профессора в Берлинскую высшую школу музыки. Однако Глазунов предложение не принял. Он пишет дочери 10 декабря 1930 года:

«Приношу тебе мою сердечную благодарность за твоё рвение и хлопоты. Конечно, педагогическая деятельность мне мало улыбается. Я музыкант прежних убеждений, а молодое поколение, зараженное всеотрицанием и впитавшее в себя потуги и дерзость модернистов, вряд ли отнесется сочувственно к моему направлению, которого я менять не могу».

Отметим, что позже Глазунов отказался и от другого сделанного ему предложения – занять место директора Русской консерватории в Париже. Об этом он написал дочери 4 октября 1931 года:

«Вчера приезжала депутация профессоров Русской консерватории в составе принцессы⁸, Кедрова⁹ и Конюса¹⁰ с предложением стать во главе. Я категорически отказался». Вероятно, в этом случае причиной отказа, помимо прочего, было нежелание входить в какие-либо официальные контакты с эмигрантскими кругами, а тем более возглавить «белую» консерваторию, оставаясь формально директором «красной», советской¹¹. Позже Е. Глазунова-Гюнтер напи-

⁶ Глазунова-Гюнтер Е. Мой отец – Александр Глазунов. С. 46.

⁷ Выступления Глазунова в Италии в качестве дирижера не состоялись.

⁸ Елена Заксен-Альтенбургская, бывшая председателем ИРМО в Петербурге.

⁹ Николай Николаевич Кедров (1871–1940), камерный певец, основатель мужского вокального квартета.

¹⁰ Вероятно, Юлий Эдуардович Конюс (1869–1942), скрипач, композитор и педагог, с 1919 года живший в Париже. Его брат Лев Эдуардович Конюс, пианист, был одним из ее основателей Русской консерватории в Париже.

¹¹ Глазунов с согласия советских официальных органов из года в год продлевал свою заграничную командировку, откладывая свое возвращение до того времени, когда это позволит состояние здоровья.

шет об отце: «Он не желал стать мишенью для двух враждующих сторон. Нельзя забывать, что до последнего дня своей жизни Глазунов имел только советское гражданство и жил в Париже с «красным паспортом»¹².

По тем же причинам Глазунов не посетил вечер «русской культуры», устроенный русскими эмигрантами в зале Трокадеро, на котором исполнялась одна часть его квартета для саксофонов, не желая оказаться в центре внимания «белой» эмигрантской публики, «опасаясь “белых” оваций и речей» (см. письмо от 13 июня 1933 года).

Вообще же о политике композитор пишет крайне редко, она не занимала его, в отличие от музыки. И тем не менее политика постоянно напоминала о себе. В начале 1930-х над Европой сгустились тучи. С беспокойством следит Глазунов за тревожными событиями в Германии, за выборами и набирающей силу партией национал-социалистов. Подъем нацизма в Германии приводит его в ужас – ведь именно в Берлине живет его Леночка! Глазунов пишет ей 21 июля 1932 года:

«Дорогая цурочка, с ужасом прочел я во вчерашних вечерних газетах известие о государственном перевороте. Хотя намеки и проскальзывали в газетах, но были и утешительные известия в Германской прессе. Тем не менее все сбылось, и что случится дальше – становится страшным. Сейчас 7 часов утра, и я жду утренних газет».

Он тут же принимает решение: найти в Париже новую квартиру, попросторнее, с тем, чтобы и Леночка могла там жить, в случае необходимости. Однако Леночка смотрела на вещи не столь тревожно. Ее переезд во Францию состоялся только спустя два с лишним года, когда в Германии уже установилась фашистская диктатура.

Глазунов приложил все усилия к тому, чтобы добиться у французских властей разрешения на ее постоянное проживание в Париже (а это было нелегко, поскольку у Елены, также как и у него, был советский паспорт, который она сменила только после войны). В предвкушении ее переезда в Париж он пишет 2 октября 1934 года:

«Такое счастье для нас, что ты наконец собираешься к нам приехать, чтобы вместе пожить. Очень мы устали от постоянных разлук с Тобюю. <...> Итак, надеюсь скоро тебя встречать! Будь здорова и счастлива и привези нам собою – радость»¹³.

Конечно же, Глазунов писал Леночке и о текущих заботах и проблемах, далеких от музыки – о поисках квартир, которые приходилось часто менять, о денежных затруднениях, о «порядочной сумме» налогов, которые надо было заплатить.

Следует сказать, что многие бытовые проблемы Александр Константинович воспринимал в «музыкальном ключе», описывая их в музыкальных терминах. Свое мрачное настроение он определяет как *lugubre*. Грустное письмо дочери, по его мнению, написано в до-миноре, – он советует ей быстрее сделать модуляцию в Ля-мажор. Желая ей выздоровления после болезни, он пишет, чтобы она скорее вошла «если не в “Аиду”, то в “Норму”».

Немало места в письмах уделено впечатлениям от природы, которую страстно любил Александр Константинович. Так, отдыхая в летние месяцы во французских Альпах, он описывает горные пейзажи и восхищается их красотой. В Париже он совершает прогулки в Булонском лесу, который находился непо-

¹² Глазунова-Гюнтер Е. Мой отец – Александр Глазунов. С. 49.

¹³ Подчеркнуто А. К. Глазуновым.

далеку от квартиры Глазуновых. Композитор очень любил гулять и делал это в теплое время года постоянно, когда позволяло здоровье. Он был убежден, что прогулки на свежем воздухе являются лучшим лекарством. Нередко он писал Леночке открытки, сидя на скамеечке в лесу, слушая пение «лесных пташек».

Многие страницы писем Александра Константиновича посвящены состоянию его здоровья, которое в эти годы постоянно ухудшалось. Болели и отекали ноги, мешая совершать прогулки. Открывшаяся позже экзема лишила его прогулок и приковала его к дому, позволяя лишь из окна смотреть на открывавшуюся панораму Булонского леса и оранжерей Ротшильда.

Но главное, что наполняло его жизнь – это была музыка. Несмотря на постоянные болезни, рождались новые музыкальные мысли, возникали новые замыслы. Сочинение не только давало возможность отвлечься от постоянных болезней, но и наполняло смыслом жизнь. В эти годы Глазунов создает несколько крупных своих произведений – Седьмой квартет, Концерт для виолончели, Концерт для саксофона, Квартет для саксофонов, «Эпическую поэму» для симфонического оркестра, Фантазию для органа. Он сообщает дочери о том, как протекает работа над новыми сочинениями – процессе, который он по-французски называл *composé*, порой посылает ей темы будущих сочинений в качестве подарка на день рождения, мечтает закончить произведение ко дню ее приезда.

«Чтобы забыть от недугов, я все время сочиняю, что наполняет мою жизнь. Задумал я пьесу для духового ансамбля, которую пока доволен. Очень хотелось бы тебе ее поиграть, но это до мая невозможно, и потому посылаю Тебе. Проиграй его в день рождения, совпадающий с католической Пасхой, и вспомни горячо любящего Тебя Папульку», – пишет он 23 марта 1932 года.

Сочинял Александр Константинович неторопливо, обдумывая каждую деталь. Начатая работа полностью захватывала его, и он думал над сочинением целыми днями и даже ночью.

«Концерт медленно, но подвигается, и вероятно я скоро его окончу в эскизе, и затем перепишу более или менее начисто. Думаю я днями и ночами, и даже во сне», – пишет он о своем виолончельном концерте (8 июля 1931 года).

Музыкальной технике композитор уделяет огромное внимание – композиция для него неразрывно связана с техническим совершенством. Глазунов постоянно ищет новые способы развития музыкальных тем, размышляет над принципами оркестровки, стремится «лучше и короче» воплотить свои замыслы. «Хотя я не очень подвинул свой виолончельный концерт, но в эти дни набрел на способы, как переделать некоторые детали, и кажется, к моему удовольствию, выходит лучше и короче», – сообщает он 25 июня 1931 года.

В одном из писем к дочери он не без гордости пишет, что несмотря на старость и недуги, все еще не теряет техники: «То, что я тебе послал ко дню твоего рождения, есть тема. К ней я вчера сочинил вариацию, которая вышла довольно удачно и технически весьма совершенно. Несмотря на старость, недуги и излишества, я пока не теряю техники» (27 марта 1932 года)

Начатый весной 1934 года концерт для саксофона сочинялся необыкновенно быстро. «Все дни думаю о “*composé*”. Начал делать эскиз концерта для саксофона, сочинил и записал уже больше половины. Может быть к свиданию с Тобой приближусь к его окончанию. Ничего – рвение не охладевает!» – пишет он 27 марта.

Работа над эскизом заняла около двух недель. «Это время я много “*composé*” и сейчас уже кончаю в эскизе концерт для саксофона. К твоему приезду все отделаю и сыграю Тебе. Партитура не представляет особенных трудностей, –

пьеса задумана для solo со струнным оркестром. Временами музыка требует как будто полного оркестра, да ничего, – сейчас время кризиса и экономии» (5 апреля 1934 года).

«Вчера я наконец окончил в эскизе Концерт для саксофона и с величайшим удовольствием поиграю его при свидании. Пока я доволен, хотя одному, совершенно без судей, трудно отдать отчет. Играл Метнеру, – он хвалил, и в то же время делал замечания касательно формы. Подумаю!» (10 апреля 1934 года).

Однако не всегда процесс сочинения происходил быстро. Над последним сочинением для симфонического оркестра – «Эпической поэмой», посвященной Французской академии изящных искусств – Глазунову приходилось много размышлять, сочинять днем и ночью, чтобы, как писал композитор, «вызвать в мозгу искры». В эти моменты он даже не успевал писать письма любимой «цурочке», вызывая ее нарекания.

«Понемногу оркеструю увертюру, которую довел почти до половины. Дается с большим трудом и требуется много времени для обдумывания. Раньше при другом режиме все удавалось скорее и может быть и лучше» (14 января 1934 года).

«Дорогая родная моя Леночка, Твой справедливый упрек по моему адресу можно оправдать лишь тем, что сейчас я действительно сомносе́ днем и ночью. Чтобы вызвать в мозгу “искры” приходится положить много времени на размышление. Завтра ровно месяц, как я засел за инструментовку, и сейчас мне осталось всего страниц шесть» (30 января 1934 года).

«Дорогая моя цурочка, вчера я наконец дописал свою новую партитуру. Сомнений осталось много, и еще сегодня я то и дело исправлял некоторые мелочи. Не скажу, чтобы в общем я был недоволен своей работой, но должно признаться, что соображать временами было мучительно трудно. Конечно, с одной стороны обстановка все-таки недостаточно благоприятная, с другой же – сказываются годы» (4 февраля 1934 года)

Но именно сочинение музыки вызывало прилив сил, будоражило фантазию, доставляя ни с чем не сравнимую радость творчества. Окончив одно сочинение и отойдя от него, хотелось приняться за другое, чтобы вновь окунуться в стихию созидания и испытать мощный подъем духа. «Успокоившись, подобно скаковой лошади, можно будет опосля приняться за что-нибудь другое, – ведь без этих творческих волнений, которые во мне еще не заглохли, нет интереса жить» (4 февраля 1934 года).

И, пожалуй, именно эта сторона жизни – в ее музыкальном измерении – сопровождаемая творческими волнениями, и была настоящей жизнью Глазунова, преодолеваемого физическими недугами.

Но и сочинение музыки было сопряжено с сомнениями. Глазунов, наследник традиций русской школы, и в 1930-е годы оставался верен своим музыкальным идеалам. Публику же больше привлекали «модные», нередко эпатажные сочинения современных композиторов, о которых писали газеты и которые возбуждали любопытство. Музыка Глазунова исполнялась довольно редко и не была востребована. Новые сочинения с трудом находили издателей. «Я наконец оканчиваю свою мрачную увертюру на тему *A s a d e m i e*¹⁴. Но где я ее услышу? Либо я пережил себя, либо сейчас музыка не нужна» (28 июля 1933 года).

Музыкальный модернизм был глубоко чужд композитору. Музыка композиторов, которых он называл «какофонцами», вызывала резкое неприятие Гла-

¹⁴ Глазунов имеет в виду «Эпическую поэму» (Poème épique), посвященную Французской академии искусств и написанную на тему *A s a d e m i e* (ля-до-ля-ре-ми).

зунова. «Я все более ненавижу модернистскую стряпню, находя, что она не искусство, а мода; но мода проходяща, а искусство вечно» (14 марта 1934 года). К этой мысли он возвращался не раз. «Музыка есть искусство, а искусство вечно. Музыка не должна поддаваться моде, которая проходяща и забываема», – записывает он в черновиках.

Он раздраженно сообщает «цурочке» о новых произведениях «какофонцев»:

«Два вечера подряд я слушал какофонию: в Орéга балет Набокова “Жизнь Полишинеля”, возмутительная громкая, кричащая, балаганная галиматъя, и вечер романсов Гартмана при участии его супруги – тихий ужас, заставивший от фальшивой музыки страдать меня, хотя исполнение было и не плохо»¹⁵. (29 июня 1934 года).

Все чаще композитор испытывает чувство одиночества, которое усиливают постоянные болезни, а также осложнившиеся отношения с бывшими друзьями и соратниками по Попечительному Совету беляевского издательства – Н.В. Арцыбушевым и Н.Н. Черепниним.

Но, пожалуй, главная причина мрачных мыслей крылась в ином. Крайне сдержанный, Александр Константинович пишет дочери 9 марта 1932 года: «Настроение мое по вечерам и в дурную погоду очень удрученное. Как русский, я очень страдаю, что нет родины и приходится скитаться вне ее без определенной цели».

Возвращение Глазунова на родину и в консерваторию так и не состоялось. Свою роль в этом, помимо тяжелой болезни, сыграли самые разные обстоятельства, о которых рассуждать здесь не место. Вряд ли тяжело больной, с трудом передвигающийся Глазунов смог бы работать в условиях постоянных реформ, новых назначений и постоянного партийного контроля... Безусловно, он полностью осознавал это. Но существовали и другие причины. Одной из них – притом очень значительной – была горячо любимая Леночка. Ведь в случае возвращения Александра Константиновича в СССР разлука с ней была бы неизбежной. Этого Глазунов не мог себе даже представить.

Незадолго до смерти, словно предчувствуя близкую кончину, Александр Константинович официально удочерил Елену. В советском консульстве в Париже была сделана следующая запись: «3 марта 1936 года в Генеральном Консульстве СССР в Париже зарегистрирован акт усыновления г-ки Гавриловой Елены Михайловны советским гражданином Глазуновым Александром Константиновичем. Генеральный консул Бирюков»¹⁶.

Спустя несколько дней, 21 марта 1936 года Александр Константинович скончался.

Глазунов испытал в жизни многое – блестящий расцвет, славу, мировую известность, дружбу с самыми маститыми деятелями мировой культуры, руководство на протяжении четверти века Петербургской-Ленинградской консерваторией, и вместе с тем – разруху, голод и холод революционных лет, болезни, одиночество, «полулегальную» эмиграцию с разрешения советских властей, горькое ощущение ненужности своего творчества на склоне лет.

Письма Глазунова дают возможность прикоснуться к жизни и творчеству великого русского музыканта.

Из сотни писем Глазунова к дочери для публикации выбраны 15 писем, написанных им в течение 1933 года. Письма Глазунова публикуются с необходимыми комментариями. Все подчеркивания в тексте принадлежат Глазунову.

¹⁵ Подчеркнуто А.К.Глазуновым.

¹⁶ СПбГМТиМИ. Архив А. К. Глазунова. Ф. 117.

А. К. Глазунов и Е. А. Глазунова
(фотография публикуется впервые)

ПИСЬМА А.К. ГЛАЗУНОВА

1.

18 января 1933
[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя ненаглядная Леночка,

Большое спасибо Тебе за милое письмо. Я охотно исполняю Твое желание, которое совпадает с моим, и сегодня же отвечаю Тебе.

Я был так рад и счастлив, что Ты хоть последние дни своего пребывания у нас в Париже поиграла мне. Жаль, что ты этого не сделала сейчас же по приезде. Игра твоя идет на лад, ты совершенствуешься в пианизме. У тебя прелестная звучность, много настроения, естественная фразировка и многое технически отлично отшлифовано. Есть вдумчивость. Все это необходимые эстрадные качества, и вот я прошу Тебя только о том, чтобы Ты как можно строже следила за ритмом и помнила даже в легких местах все четвертушки, осьмые и т. д. Это так важно при игре с оркестром. Не забудь, что когда Ты будешь иметь [дело] с «чужими» дирижерами, нельзя рассчитывать на такое заботливое отношение к солисту, какое всегда было у меня к Тебе, любимой цурочке. Дирижеры любят себя выдвигать, и им до волнения исполнителей мало дела. Репетируются пьесы с оркестром, когда времени остается в обрез, когда музыканты измучены и смотрят на часы и на двери. При таких условиях необходимо солистам особенно держать крепко себя в руках. Когда оркестр виноват – это не ставится ему в вину, но дирижеру и в особенности исполнителю ничего не прощается. Вчера я был на репетиции в Salle Gaveau¹⁷. Молодой хороший пианист Karoli¹⁸ (немецкий еврей) играл 1-ый концерт Шопена. Дирижировал Бутников¹⁹, который имеет опыт и обладает музыкальностью. Только, очевидно, он стоворился с исполнителем, который играл довольно свободно, не без изящества, и все время получались качания, чего не было [бы], если бы дирижер прорепетировал концерт на 2-х роялях раньше оркестровой репетиции. Бутников спохватился поздно, пожелав сегодня перед самым концертом

¹⁷ В зале Гаво

¹⁸ Кароли (Károlyi) Юлиан (1914–1993) – венгерский музыкант, окончивший Будапештскую консерваторию, затем учившийся у И. Пембаура в Мюнхене, у М. фон Пауэра в Лейпциге и у А. Корто в Париже.

¹⁹ Бутников Иван Григорьевич (1893–1972) – русский дирижёр и музыкальный педагог. В 1931–33 годах – главный дирижёр хора Венская певческая академия. Позже – композитор и дирижёр Русского балета Монте-Карло, вместе с которым переехал в США.

проделать это. Во всяком случае я бы не желал, чтобы ты была в положении бедного Кароли. Кароли говорил мне, что учился у Пауэра в Лейпциге и здесь у Корто, и играл с Бруно Вальтером²⁰. Может быть, ты его слышала. Мне он понравился.

Как после катастрофы с океанскими пароходами получают все новые сведения об отдельных моментах, так теперь я узнаю задним числом о тяжелых обстоятельствах, связанных с твоею болезнью при возвращении в Берлин. Как нехорошо, что мамочка²¹ и Ты так враждебно относишься к «градуснику», который в своем роде часы, без которых вовремя не попадешь ни на концерт, ни на поезд. Слава Богу, что твоя скрытность не имела больших последствий и что Ты опять вышла если не в «Аиду», то в «Норму». Береги себя – мы страдаем от всякой твоей неосторожности, а главное – от неизвестности. От всей души желаем Тебе прочного здоровья и сил для художественной работы. Мамочка тоже непослушная и скрытная. Доктора не желает, а между тем сама жалуется на недомогание и выходит без особой надобности в дурную погоду

Целую Тебя крепко. Когда я поцеловал Тебя при прощании на вокзале, я заметил, что ты была горяченькая!

Горячо любящий тебя Папулька.

2.

23 января 1933 Париж
[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая Lennchen!

Не получая от тебя описания костюмированного бала, на котором ты порхала в пышных панталончиках, мы опять охвачены беспокойством! Напиши, пожалуйста, поскорее.

Вчера мы были в salle Pleyel на festival Mozart, и я впервые слушал игру «Ленеровцев»²². Это было действительно превосходно, и я до такой степени внимательно вслушивался в звуки Моцарта, что позабыл все, – что не успел, как следует, поужинать перед концертом, и что не курил с 3-х часов дня. Какой изумительный ансамбль и какое чувство меры и стиля! Во втором антракте я ходил в артистическую и познакомился со всей братией. Наговорили друг другу массу приятного и расстались почти друзьями. Будь здорова. Крепко целую дорогую цурочку.

Горячо любящий Komponist.

3.

23 января 1933

Дорогая цурочка!

Сейчас получил письмо от Штримера²³ из Л[енингра]да, в котором он сообщил, что 28 января (суббота) будет исполнять по Радио, вероятно, в филармонии, мой виолончельный концерт. Это будет происходить около 10 час. вечера по русскому времени, стало быть в 9 ч. по берлинскому. Если тебя это интересует и будет время, – послушай и напиши мне о своем впечатлении.

Горячо любящий и крепко тебя целующий Komponist!

²⁰ Вальтер (Walter) Бруно (1876–1962) – знаменитый австрийский дирижер.

²¹ Ольга Николаевна, жена Глазунова и мать Елены.

²² Имеется в виду Ленер-квартет, основанный венгерским скрипачом Енё Ленером (1894–1948) в 1919 году (Енё Ленер, Йожеф Шмиловиц, Шандор Рёт, Имре Хартман), считался одним из лучших в Европе.

²³ Штример Александр Яковлевич (1888–1961) – виолончелист, профессор Петроградской (Ленинградской) консерватории, создал школу ленинградских виолончелистов. Впервые в СССР исполнил в «Концерт-балладу» Глазунова (1933).

4.

9 марта 1933
[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя любимая Леночка,

Прочтя твое восторженное захватывающее письмо²⁴, я невольно позавидовал тебе и вспомнил два эпизода своей жизни, когда я находился в аналогичных условиях. После первой репетиции, на которой я впервые услышал в оркестре свою первую симфонию, я вышел из зала на улицу в каком-то особенном угаре: все встречавшиеся мне незнакомцы, с которыми я, не помня себя, сталкивался, казались мне необыкновенно симпатичными людьми. Куда я шел, я себе не отдавал отчета, – только не домой. Была весенняя слякоть с солнцем, и я нередко попадал в лужи, которые казались мне зеркалами и т. д. То же самое вероятно было и с тобою после пережитого волнения при игре для пластинок. Волнение это и напряженность до нервности я испытал при дирижировании в Лондоне для Columbi'i²⁵, причем трудно определить, что в этом случае утомительнее, – играть или дирижировать. При игре ты отвечаешь за собственные погрешности, а при дирижировании – за грехи оркестрантов.

По приподнятому тону Твоего письма можно догадаться, что ты находишься в хорошем расположении духа и лихорадочно уносишься вдаль вперед, надеясь на свои окрепшие силы после удачного выступления. Очень интересно будет послушать Твои пластинки в ближайшем будущем. Я написал о твоём дебюте в новой сфере Л.В. Николаеву, которому послал приветствие для нашей консерватории, справляющей в ближайший понедельник 70-летие с основания. Пусть и в советчине знают о Твоих подвигах. Могу себе представить, какая там скука!

У нас с понедельника гостит Винклер²⁶. Кроме того, ждем сегодня гостей, и мамочка все время в усиленных хлопотах. Не сетуй, что я не тотчас отвечаю на такое трогательное письмо Твое, в котором ты открываешь тайники своей души. Мамочка также по той же причине не успеет сегодня и завтра написать тебе. Как раз завтра концерт у Гаво (в малом зале), где Винклер играет свою сонату со скрипачкой Мантейфель. Мамочка поручает мне обо всем написать тебе и крепко тебя поцеловать. Желаю тебе продолжать пребывать в радужном настроении. Будь здорова и счастлива. Крепко целую тебя.

Горячо любящий тебя твой «папкин».

5.

20 марта 1933
[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя Леночка,

Очень обрадовал нас с мамочкой Твой неожиданный телефонный звонок, хотя она вследствие этого отложила писать тебе «длинное» письмо, пишет его и сегодня; завтра вероятно отошлет. Мы с мамочкой выезжали в дневные концерты в субботу и в воскресенье. Я получил большое удовольствие, но жалел, что концерты шли без перерыва, и мои ноги очень уставали и даже отекали.

В субботу у «Колона»²⁷ должны были играть своим составом с аккомпанементом оркестра известные тебе 4 Ленера²⁸ (концерт Шпора), но, увы, их участие не состоялось – кто-то из них заболел, и они телеграфировали в день концерта о невозможности приехать в Париж. Было очень досадно. Я выслушал симфонию Ц. Франка, вообще интересную, и прелестную «Прялку Омфалы» Сен-Санса, от которой «захлебывался». Вместо Шпора исполнили «Venusberg» из «Тангейзера» и другое, что мне было не столь

²⁴ В этом письме Елена сообщала о сделанных ею записях на граммофонные пластинки произведений Глазунова.

²⁵ То есть для грамзаписи фирмой Columbia.

²⁶ Винклер Александр Адольфович (1865–1935) – русский композитор, пианист, музыкальный критик и педагог фортепиано, в 1930-е годы жил в Безансоне.

²⁷ То есть в концертах Колонна (Colonne).

²⁸ См. примечание 22.

интересно услышать. Очень остался доволен дирижером Paray²⁹, подтянувшим оркестр.

На воскресном концерте в консерватории исполнение оркестра было еще лучше. Солисткой выступила Цецилия Ганзен³⁰, великолепно сыгравшая концерт Мендельсона и имевшая выдающийся успех. Аккомпанемент прошел стройно, но желательно было еще больше прозрачности в piano. Ганзен сказала мне, что уезжает в Берлин, и спросила Твой адрес.

Состоянием здоровья своего я не вполне доволен: хотя ссадины на коже правой ступни и проходят, но краснота все еще держится и трогать ногу немного больно. Следовало бы обратиться к специалисту, но только не к прежним докторам. Может быть, причина тому, что я стал больше гулять, но без этого я не могу жить, к тому же вечная диета – еда без соли, воздержание от вина действуют удручающе на мою психику. В начале болезни бывает приятен отдых от занятий, но когда все остается в том же застывшем положении, становится невыносимым, и я очень нервничаю.

Над концертом для Ленеров думаю³¹, сочинил даже самое начало, но дальше плохо выходит. Очень жаль, что не слышал сочинение Шпора, может быть, оно бы в смысле сочетания solo с оркестром подбодрило меня, хотя думаю, что у Шпора приемы устарелые. <...>

Через неделю будем очень вспоминать тебя и сожалеть, что ты не с нами. Об этом поговорим в другой раз.

Случай с Бруно Вальтером мне не понравился³². То же может произойти и с Клейбером³³ и со Шнабелем³⁴.

Вот покамест и все на сегодня. Скоро опять напишу, хотя надежды на то, что ты мне «припишешь», мало. Боюсь, что тебе скучно читать мои писания. Пусть будет так, – лучше «играй» их!

Целую тебя крепко. Желаю всего, что ни на есть лучшего в жизни. Горячо любящий тебя твой Папкан.

6.

Июнь 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая побегушечка родненькая цурочка Леночка,

Сердечно поздравляю тебя со днем ангела и желаю тебе лучезарного счастья, здоровья, сил, энергии и всего необходимого, чтобы жить красиво и умело. Приветствую Твои будущие выступления в Италии. Вспоминаю, что ты свой день проводила прошлым летом у нас в Булони. Хотя в настоящем году я себя чувствую лучше, чем в своем юбилейном, но все еще что-то «не то». Несмотря на воздержание от вливания напитков, все еще любимых, я опять полнею: у меня топырится жилет, и иногда из карманов выскакивают пенснэ. Если бы стекла разбивались, то моим глазам была бы крышка.

Все эти дни ждали Твоего звонка из Берлина. Надеюсь, что ты настоящее письмо получишь, уже вернувшись из Италии. Как ярый «турист», но не в модном смысле,

²⁹ Парэ (Paray) Поль (1886–1979) – французский дирижер, пианист и композитор. В 1923–28 годах дирижер Концертов Ламурё, с 1928го – Муниципального оркестра Монте-Карло; в 1932–40-м и с 1944-го – руководитель Концертов Колонна.

³⁰ Ганзен (Hansen) Цецилия Генриховна (1897–1989) – скрипачка, в 1914 г. окончила Петроградскую консерваторию у Л. Ауэра. Жила в Германии.

³¹ По просьбе Е. Ленера Глазунов начал сочинять концерт для квартета с оркестром, но замесел не был осуществлен.

³² Глазунов имеет в виду вынужденный уход Б. Вальтера с поста главного дирижера лейпцигского оркестра Гевандхауз из-за репрессий национал-социалистов. В 1933 году Вальтер покинул Германию и переехал в Вену. После аннексии Австрии вынужден был уехать сначала во Францию, потом в США.

³³ Эрих Клейбер (Клайбер, Kleiber, 1890–1956) – выдающийся немецкий дирижер, в 1924 году стал музыкальным руководителем Берлинской государственной оперы, в 1934 под давлением нацистов подал в отставку и год спустя эмигрировал в Аргентину.

³⁴ Артур Шнабель (Schnabel, 1882–1951) – знаменитый австрийский пианист, в 1900–33 годах жил в Берлине, затем эмигрировал в США.

я бесконечно радуюсь, что тебя влечет к путешествиям по живописным и историческим местам и что ты посещала картинные галереи и музеи. В Париже тебя невозможно было затащить в Лувр, – не магазин.

Я сочинил по случаю 25-летия со дня смерти Римского-Корсакова небольшую статью о нем и буду читать отрывки из нее по-французски 10-го июня на заседании в Institut de France.

Желаю тебе впредь таких же счастливых дней, какие ты переживала так недавно. Крепко обнимаю и целую тебя. Горячо любящий тебя Папка.

P.S. У нас с приближением лета из окна видны восход и заход солнца. Приезжай – увидишь сама! Уж очень красиво заходит солнце в зелени!

7.

10 июня 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая Тальяночка³⁵,

Поздравляю Тебя с благополучным возвращением из страны, где «цветут лимоны» и желаю тебе дальнейших странствий, не исключая и нашей Булони, где также недурно. Пишу тебе на открытке наскоро, чтобы ты не беспокоилась о нас – Булонцах³⁶. Живем здесь понемножку. Сегодня я в хлопотах, еду делать доклад о Римском-Корсакове в Institut de France. Напишу подробнее сегодня вечером или завтра. У нас была М-ме Либерман и сообщила много интересного. Относительно приглашения ее мужа в русскую Консерваторию ответа еще не получил. На днях будет в Берлине Я.А. Вольфман³⁷, который наверно повидается с Тобой, тем более, что пробудет там два дня.

Прости за каракули: чтобы выиграть время пишу, сидя на скамеечке в Булонском лесу. Сейчас свежее утро при северном ветре, и я отдыхаю от жары последних дней. Желаю тебе счастья и здоровья.

Горячо тебя любящий Булошка. Мамочка обнимает тебя, не успела приписать, ибо уехала на рынок.

8.

13 июня 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя умница Леса,

Псылаю тебе свой «пейзаж» для Италии. Если не понравится, найдем что-нибудь еще живописнее.

У нас продолжает стоять свежая и дождливая погода. Говорят, что в Париже много больных. Мамочка жалуется на боли в левой стороне. Не знаю, что может там быть, – селезенка что-ли? Возможно, что она утомилась, таская сумки с провизией. Возможно, что все это наружное, – род невралгии. <...> Все вечера ждали твоего телефона, но тщетно. В субботу я читал свой доклад о Римском-Корсакове во французской Академии искусств, где все, в том числе и я, – «бессмертные». Старички одобрили меня и благодарили. Читал я ясно, громко, но временами душил меня катаральный кашель и приходилось на секундоочки делать перерывы. Видишь, какой я стал «ученый»!

На русском вечере «русской культуры» в зале Трокадеро исполняли одну часть моего квартета для саксофонов. Не знаю, к сожалению или к счастью, но я не был на концерте – мамка отговорила, опасаясь «белых» оаций и речей.

Какую новую программу ты учишь? Уж не итальянцев ли? Их трудно исполнять, не зная их традиций. Ждем тебя с нетерпением и пока пребываем в грусти. Музы мои безмолвствуют, да кому нужна моя «чистая» музыка?

Желаю тебе отличного здоровья и счастливых дней. Крепко целую тебя, дорогая цурочка. Горячо любящий Булошка.

³⁵ То есть итальяночка, поскольку в это время Елена была в Италии.

³⁶ То есть об А. К. и О. А. Глазуновых, живших тогда в пригороде Парижа Булонь-сюр-Сен (Boulogne sur Seine).

³⁷ Вольфман Ян Ансович (1879–1936) – любитель музыки, скрипач.

9.

30 июня 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя деточка Леса,
сердечное спасибо тебе, что не забываешь своих Булонцев и часто радуешь их драгоценными письмами. Из них видно, что ты пребываешь в хорошем настроении и много занимаешься. Страшно интересно послушать твою теперешнюю игру! Но когда же Ты приедешь в Париж и надолго ли?

Одновременно с этим письмом я посылаю в редакцию журнала “*Mercure de France*” корректуру перевода моей статьи о Римском-Корсакове³⁸. Когда я последние дни перечитал ее, то остался очень доволен собою. Пусть французики узнают хорошее о русском композиторе. У меня сейчас была гора с плеч свалилась, и хотелось опять взяться за сочинительство музыки, но увы, – получил из Риги заказ спешно написать статью о Витоле по случаю 70-летия со дня его рождения. Отказываться неудобно, и вот я опять гуляю по парку с записной книжечкой.

Здоровье мое без перемен. Нога продолжает временами поднывать. Гулять это впрочем не очень мешает, так как боли появляются ночью, вероятно от неудобного лежания.

Итак до скорого свидания у нас. Целую тебя крепко. Горячо тебя любящий и желающий переполненного счастья и цветущего здоровья папа Булонский.

10.

7 июля 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя Леночка,

Честь имею доложить, согласно уговору, что сегодня утром мы получили твое письмо со вложением чудесных снимков. Несмотря на крошечный формат – все подробности так ясно и отчетливо воспроизведены. Кто снятые дамы?

Последние три дня у нас жара. Вчера было страшно душно, ждем грозу, но опять прояснилось. Статью о Витоле окончил и отослал в Ригу³⁹. Теперь можно будет вспомнить и музыку свою. Увертюра моя, которую тебе немного играл, близка к концу: не хватает коды, которую надобно хорошенько обдумать вместе с лесными пташками⁴⁰.

Сегодня происходило в ванне омовение моих ног. Боюсь, чтобы правой больной ступне не стало хуже. Сейчас вернулись с прогулки к озерам; туда шли, а оттуда приехали на такси. Сейчас будем лопать, и у мамочки также разыгрался аппетит. Целую крепко и желаю радужной жизни. Горячо любящий большой ребешка.

Редко получаю приписочки! Забыла музыкашку своего!

---

³⁸ Воспоминания о Римском-Корсакове Глазунов написал сразу после его смерти, впервые были опубликованы в газете «Речь» 19 июня (2 июля) 1908 года. К 25-летию смерти Римского-Корсакова Глазунов сделал перевод этой статьи, опубликованный в 1933 году во французском журнале “*Mercure de France*”.

³⁹ Статья Глазунова о И. И. Витоле была написана для латышского журнала “*Muzikas Arskats*”, переведена на латышский язык редактором журнала Я. Я. Витолинем и напечатана в 1933 году, № 9. На русском языке опубликована: А. К. Глазунов. Письма, статьи, воспоминания. М., 1958. С. 498–505.

⁴⁰ Имеется в виду «Эпическая поэма» (*Poème érique*), посвященная Французской академии изящных искусств.

11.

28 июля 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая колпашечка,

Спасибо тебе за приписочку и за хорошие новости. Напрасно ты упрекаешь меня в том, что я тебе редко пишу и якобы забываю тебя, мою ненаглядную цурочку. Наоборот, мне грустно, что ты редко отвечаешь на мои вопросы, и вообще не балуешь своими приписочками. Как бы мне хотелось послушать сонату Листа в твоём исполнении, да «руки коротки». Между тем я мог бы быть Тебе полезен, так как кое-что смыслю в музыке. Смотрела ли ты *Allegro appassionato* Шумана? Ведь это очень хорошо!

Я наконец оканчиваю свою мрачную увертюру на тему *Academie*. Но где я ее услышу? Либо я пережил себя, либо сейчас музыка не нужна. Сегодня днем во время урока мамочкина⁴¹ не мог уснуть из-за граммофона – «Петрушка», дерущий уши! Целую тебя крепко. Горячо любящий тебя Сашка-Папка.

12.

17 октября 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя родненькая цурочка,

Спасибо за «большое» письмо. Так и продолжай обретаться в грезах искусства.

Несмотря на то, что уже два дня прошло с моего последнего выступления в качестве дирижера и сочинителя⁴², я все еще не могу придти в себя от напора давно не испытанных впечатлений. Хотя времени для репетиций было маловато, тем не менее вчерне я успел все проиграть, и дирижер Hasselmans⁴³, выступавший со мною, делал все возможное, чтобы выкроить для меня лишние полчаса, за что я ему очень благодарен. Условия здесь невозможные: три репетиции на два концерта с *различной* программой. Комбинируй, как хочешь, а тут еще твой папка, который напоминает о своем присутствии, чуть ли не мяукая! Инструментовка моя звучала так, как я ее предвкушал внутренним слухом. Так как на репетициях играют без точных оттенков, то много приходилось возиться над тем, чтобы солист не заглушался, прося, чтобы последние пульта во время соло не играли. Все, что было в пределах возможного, я, кажется, сделал, и на концерте аккомпанемент был недурен. Солист знал свою партию «на зубок», играл очень музыкально и ритмично, так что следить не представляло трудности. У него красивая широкая кантилена и прекрасная техника. Некоторые виртуозные ухватки мне не понравились, и кое-что было сглажено. Успех был хороший, и мы с Эйзенбергом⁴⁴ выходили очень много раз на вызовы, которые даже к концу не ослабевали.

Дирижируя после почти 2-х годовалого перерыва, я в себе не заметил ничего особенного: после первых несколько неуверенных тактов на репетиции, я вскоре вошел в колею, проходил пьесу по частям, как и в старину (почему-то мамочка решила, что этого музыканты не любят – я же считаю, что проигрывание без остановок – бессмысленно), на ходу выкрикивал замечания. Вечером перед самым исполнением беседовал с отдельными музыкантами, и они обещали исполнить, как следует, и сдержали свое слово.

Между прочим, на последней репетиции я слышал И. Гофмана⁴⁵ (5 концерт Бетховена). Первые две части меня совсем увлекли, последняя, благодаря некоторой деланности, несколько охладила. Все-таки бесподобный пианист!

⁴¹ То есть урока по французскому языку Ольги Николаевны.

⁴² 14 октября 1933 года Глазунов дирижировал в зале Паделу (Pasdeloup) своим Виолончельным концертом с участием Мориса Эйзенберга (1900–1972), ученика П. Казальса. Двум концертам (с различной программой) дирекция отвела всего три репетиции.

⁴³ Хассельманс (Ассельман, Hasselmans) Луис (1878–1957) – франко-американский оперный дирижёр бельгийского происхождения.

⁴⁴ См. прим. 40.

⁴⁵ Гофман Иосиф Казимир (1876–1957) – американский пианист польского происхождения, ученик А. Г. Рубинштейна.

<...> Крепко тебя обнимаю и целую. Будь здорова и богата «духом». Горячо любящий дурашку Папка-дурень.

P.S. Из концертных отчетов узнал, что исполнялся концерт для квартета с оркестром сочинения какого-то не то американца!⁴⁶ Вот так фунт!

13.

18 ноября 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая, родная цурочка Леночка,

Уж видно Тебе не дожидаться мамочкиного «длинного» письма, и я с ее ведома забираю корреспонденцию в свои руки.

За последнее время живется несколько уныло и тоскливо, – отчасти из-за переменившейся погоды, а также и из-за не веселящих дел. Очень волнует вопрос налоговый, – я уже был у контролера, и он дал некоторые советы, как сговориться на лояльной почве. Во всяком случае, придется выплачивать и порядочно. Как при таких мешающих обстоятельствах думать о “composer”! Несмотря на недуги я еще чувствую за собой запас духовной жизни, но к сожалению, мне некуда приложить свои познания, и вообще на мою специальность в наше время нет спроса. Тем не менее я сознаю, что если музыка еще существует, я бы мог быть многим полезен.

Камерный концерт их моих сочинений прошел очень тепло и уютно. (Ты получила приглашение). Меня приветствовал 90-летний композитор Charles Vidor⁴⁷, неприменный секретарь Института. Желая отблагодарить его за радушный прием, мы с мамочкой отправились вчера на концерт П а д е л у⁴⁸, где он выступал как дирижер. Дирижировал он сидя, так как ножки плохо повинуются, но движения были очень уверенные и оркестр его слушался.

Сегодня мне опять не по себе: когда я вечером стал мерять температуру, градусник показал опять 38. Немного знобит, боли же нигде нет. Как раз к вечеру погода стала поправляться и даже потеплело. Очень все досадно!

Прекращаю писать, так как не хочу навевать скуку и уныние. Крепко заочно целую тебя, чтобы ничего к тебе не пристало. Желаю доброго здоровья и свежих сил. Горячо любящий тебя Папка.

14.

21 декабря 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя родная цурочка Леночка,

Поздравляю тебя от всей души с наступающим праздником нового Рождества, желаю тебе цветущего здоровья и все более и более возрастающего артистического успеха. Узнал, что Ты завтра играешь для дисков, буду весь день твердить «ни пуха, ни пера», как кротик⁴⁹, что он был Freiwillige⁵⁰ в последнюю войну. Не думаю, чтобы пластинки были готовы к предполагаемому приезду твоему, – придется подождать, но вероятно не так долго, как с американскими пластинками!

Муза моя помалкивает несмотря на то, что я много думаю о музыке. Часто приходят в голову мысли на несколько тактов, может быть и недурные, но как-то не поддаются развитию и не выливаются в определенную форму. Так случилось и с началом музыки для Ленеров: как будто оно и недурно, а дальше что?

⁴⁶ В это время Глазунов обдумывал новое сочинение для необычного состава – концерт для квартета с оркестром, в концертном отчете его удивил такой же состав.

⁴⁷ Видор (Widor) Шарль-Мари (1844–1937) – французский композитор, органист, дирижер, педагог.

⁴⁸ Концерты Паделу – общедоступные воскресные «Народные концерты классической музыки», основанные дирижером Ж. Э. Паделу (Падлу, Pasdeloup, 1819–1887) в 1861 году.

⁴⁹ Имеется в виду друг Елены, которого в письмах называли «кротиком».

⁵⁰ Freiwillige (нем.) – доброволец, вольнослужащий.

Наконец услышал в концерте «новинок» в зале русской консерватории свой квартет для саксофонов. Исполнители были те же, но благодаря тусклой акустике зала звучность мне показалась не столь яркою. Исполнители жаловались на слабое освещение, благодаря которому иногда подвирали, но немного. Публики было не слишком много, но успех выпал хороший. На концерте присутствовал саксофонист из Копенгагена Рашер⁵¹, живший в Берлине, пришедший в восторг совершенно телячий, и попросивший у меня ноты для переписки. Его хорошо знает д-р Пинес.

Наслаждался несколько дней зимою, хотя и бесснежной. Но она опять сменилась на оттепель; впрочем, сейчас к вечеру как будто опять морозит. Видел конькобежцев, катающихся на замерзших прудах Булонского леса. Зрелище было довольно оживленное.

30-го декабря в концерте Падлу⁵² будут исполнять впервые мою 5-ую симфонию. Дирижер Соррола⁵³ (вероятно, итальянец) мне незнаком. Как-то он справится, имея в распоряжении 1 ½ репетиции?

Ждем тебя с нетерпением. Крепко целую тебя и желаю всего лучшего. Горячо любящий тебя Папка.

15.

29 декабря 1933

[Париж] Boulogne sur Seine

Дорогая моя любимая Леночка!

От всей души поздравляю тебя с Новым годом, с новым счастьем, желаю неистощимого здоровья, лучезарных дум, радужного настроения и исполнения всех твоих желаний. Конечно, нам очень прискорбно, что ты в ближайшие дни не будешь с нами, но лично я не желал бы нарушать твоих намеченных планов, – поступай, как находишь удобнее для себя. Буду жить ожиданием того радостного дня, когда опять увижу тебя рядом с нами. Сегодня ездил в город и подобрал себе подходящую бумагу. Может быть, завтра же примусь за оркестровку увертюры. Начало в голове уже готово и просится на бумагу. Беда с глазами: очки мои не вполне годятся для нотного писания. Почему прежде это меня несколько не затрудняло!?

Несмотря на недуги, я нахожу в себе достаточно физических сил, и мог бы сочинять, дирижировать и т. п. совершенно свободно, да нет на спроса на меня, и потому остаток жизни протекает бесцельно.

Впрочем, «кот заплакал»: как раз под Новый год поставлена на программу концерта «Pasdeloup» моя 5-ая симфония под управлением дирижера Соррола – итальянца. Завтра приглашен на репетицию. Удовлетворит ли меня исполнение – не знаю, – все же хорошо, что вспомнили обо мне.

Желаю Тебе всех благ, как всегда. Крепко целую тебя, мою родную, дорогую, хорошую, и умную цурочку.

Горячо любящий Папка булонский.

Публикация писем и примечания
Н.А. Рыжковой

⁵¹ Рашер (Rascher) Сигурд Манфред (1907–2001) – датский саксофонист, под влиянием которого Глазунов написал Концерт для саксофона.

⁵² То есть в одном из концертов цикла, упомянутого в примечании 48.

⁵³ Коппола (Sorrolla) Пьеро (1888–1971) – пианист, композитор, дирижер. В 1910 году окончил Миланскую консерваторию. В 1923–34 годах был художественным руководителем французского филиала британской Gramophone Company. В 1932 году записал Третий фортепианный концерт Прокофьева с участием автора в качестве солиста.